

Проведя ночь в больнице, Юнь Цзи толком не выспался. Едва окончательно проснувшись, он набрал номер Юнь Шу.

— Брат, что-то случилось? — тот ответил буквально после первого же гудка.

— Занят? — Юнь Цзи услышал в трубке разноголосый шум, гвалт музыки и взрывы молодого хохота. — Или у вас там среди бела дня вечеринка в разгаре?

— Так суббота же! Мы с ребятами собрались на машинах в Урумчи, на музыкальный фестиваль. Брат, ты с нами? — с ходу затарахтел Юнь Шу. — Если поедешь, я прямо сейчас развернусь и заскочу за тобой!

— Повеселитесь там за меня, у меня ещё дела. Я вообще за другим звоню: пришла медицинская карта отца?

Юнь Цзи намотал на палец нитку, торчащую из больничной простыни, — в груди шевельнулась невольная тревога.

— Пришла, сейчас скину. Да всё с ним в порядке! Ну, мочева кислота чуть выше нормы, но до опасного предела далеко. Я у него уже всю пивную нычку конфисковал, — гордо отчитался Юнь Шу, явно рассчитывая на похвалу.

— Хорошо.

— Слушай, брат... а с чего ты вдруг ни с того ни с сего отправил его на обследование? — шум на том конце провода поутих, видно, Юнь Шу отошёл от компании.

— Возраст всё-таки. Он вечно бравировал крепким здоровьем и забивает на плановые осмотры, а я не могу быть спокоен. — Юнь Цзи устало потёр переносицу.

— Да не бери в голову! Дома я за главного, уж за этим упрямым стариканом прослежу, будь спокоен, — хмыкнул младший.

— Не дерзи, — беззлобно пожурил его Юнь Цзи, и на губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Вы с отцом два сапога пара. Оба друг за друга переживаете, а поговорить напрямую гордость не позволяет, вот и гоняете меня как курьера! Вчера за ужином он опять допытывался, чем ты там занят. Обозвал тебя упёртым ослом — мол, принципиально отказываешься от любых его связей и сам себе жизнь усложняешь. Брат, мне показалось, он оттаивает. Может, выкроешь время, приедешь, прощупаешь почву? — предложил Юнь Шу.

Уход из семьи Юнь... Скандал с Цун Ле послужил лишь детонатором.

Юнь Цзи и сам давно хотел проверить: чего он стоит без мощной опоры семейного клана?

Среди сверстников он, безусловно, добился внушительных успехов, скопив неладно скроенный капитал. Но всё это — под покровительством Юнь Шичу.

Деловые партнёры за глаза звали его «старшим молодым господином Юнь». Звучало уважительно, но почтения в этом не было ни на грош. Ибо фамилия «Юнь» принадлежала не Юнь Цзи, а Юнь Шичу.

Не разорвав связь с домом, сколько бы он ни пахал, он так и остался бы в чужих глазах очередным избалованным мажором.

Раз уж судьба подарила ему второй шанс, он хотел лишь одного — совершить что-то стоящее. Сам. И не ради чьего-то одобрения.

— Не время ещё, — мягко ответил Юнь Цзи.

— Да уж, точно говорю: вы с отцом одинаковые ослы, вылитые! — резюмировал Юнь Шу и внезапно сменил тон: — Кстати, брат, ты сам-то где?

Слово «в больнице» едва не слетело с языка, но Юнь Цзи вовремя прикусил язык:

— По делам выехал. Скоро буду дома.

— Позавтракал хоть? — не унимался младший.

На этот вопрос отвечать было легко: утренний больничный рацион он помнил.

— Поел. Кашу и баоцзы.

То, что он сделал всего пару отхлебков, считать не обязательно.

Юнь Шу такой ответ явно не устроил:

— Да сколько можно питаться всякой дрянью? Если самому лень готовить, я буду каждый день заказывать тебе доставку. Без говядины, без баранины, без чеснока, кинзы и черемши — я все твои капризы помню! Доверься любимому брату, сделаю всё в лучшем виде...

— Всё-всё, хватит. Ты же с друзьями, иди развлекайся. Закружи тему.

Пока Юнь Цзи сам не обрубит разговор, Юнь Шу будет болтать бесконечно. От утренней каши он плавно перейдёт к завтрашнему полднику. Откуда у него взялась эта ворчливая замашка пожилой кумушки — заботиться о каждой мелочи — оставалось загадкой.

Именно поэтому Юнь Цзи ни за что не признался бы, что попал в клинику. А если бы младший узнал, что здесь замешан Цун Ле, он бы эту больницу до основания спалил.

Но как нарочно, следующая же фраза Юнь Шу была о нём:

— И как там наш суперзвёздный феномен? Когда вы уже наконец разбежётесь окончательно?

Помяни чёрта — он и появится.

Едва прозвучало имя Цун Ле, как дверь палаты отворилась, и на пороге возник сам виновник торжества — в кепке и защитной маске.

— Всё, беги к ребятам, и осторожнее на дороге, — бросил Юнь Цзи в трубку.

— Угу, брат, поешь нормально! — протараторил Юнь Шу, но отключаться не спешил.

Юнь Цзи сам нажал отбой и смерил взглядом Цун Ле, который молча принимался собирать его вещи:

— Ты чего тут забыл?

— В смысле — чего забыл? — под глазами у того залегли синеватые тени. Он изогнул бровь, недовольно посмотрев на Юнь Цзи.

— У тебя разве нет сегодня съёмок? — Юнь Цзи медленно пролистывал в телефоне медицинское заключение отца, сверяя каждую строчку.

— Нет, — буркнул Цун Ле. — Одевайся давай. Вставай.

Подобная грубоватость была Юнь Цзи привычна, так что он даже бровью не повёл. Тянулся к тумбочке за документами, чтобы оформить выписку, как Цун Ле швырнул на кровать пачку бумаг:

— Забирай манатки и пошли.

Юнь Цзи пробежал глазами лист: квитанции, выписка, все чеки уже оплачены.

— Лекарства я забрал, двигай быстрее, — Цун Ле завязывал узлом пакеты. — Не копайся.

— Уходи первым, я не тороплюсь, — недоуменно отозвался Юнь Цзи.

Впрочем, спешку Цун Ле понять было можно: где бы тот ни задерживался дольше пары минут, его тут же узнавали, и о спокойной жизни можно было забыть — толпа фанатов мигом облепляла ради автографов и фото.

При всём своем скверном характере, Цун Ле редко отказывал поклонникам.

Единственным исключением из этого правила всегда оставался сам Юнь Цзи.

— Не торопишься? А я как, по-твоему, к тебе домой попаду? — Цун Ле замер и в упор уставился на него, нахмурившись.

— С чего ты взял, что вообще поедешь ко мне? — Юнь Цзи окончательно сбился с толку.

Цун Ле застыл на мгновение, сощурившись:

— Хочешь сказать, Юнь Шу живёт с тобой?

И тут до Юнь Цзи дошло.

Цун Ле, должно быть, наслушался вчерашних докторских наравоучений и теперь панически боялся, что его менеджер скопытнется дома в одиночестве, а туша протухнет до того, как кто-то заметит, сорвав ему драгоценный рабочий график.

— Ну, — неопределённо буркнул Юнь Цзи.

— Мне сейчас набрать Юнь Шу и перепроверить? — Цун Ле проявил нетипичную для себя введливость.

— Он уехал с друзьями, едва ли ответит, — Юнь Цзи отклеил пластырь от вены на тыльной стороне ладони и выкинул его в урну.

Забыв о своей спешке, Цун Ле с грохотом грохнул пакет с медикаментами на тумбочку:

— Что, совместное проживание со мной мешает тебе шлаться по притонам?

— Каким ещё притонам? — не удержался от встречного вопроса Юнь Цзи.

Голос Цун Ле взлетел на октаву выше:

— В восемь утра от тебя разило перегаром! Ты упился до желудочковой экстрасистолы, и это не называется «шляться»?! Ну так просвети меня! Что тогда в твоём понимании «шляться»?!

Юнь Цзи отродясь не слышал от него столь длинной тирады — пусть даже и состоящей из одних упрёков.

— Какая тебе разница, где я был? Главное, что твоей работе это не помешало, — отмахнулся он, не имея ни малейшего желания оправдываться.

Он давно не ждал от Цун Ле ни сочувствия, ни снисхождения.

Наблюдая, как Юнь Цзи застёгивает рубашку и надевает брюки, Цун Ле нервно зашагал по палате:

— Ты хоть соображаешь, чем чревата аритмия?

Всю прошлую ночь он гуглил «желудочковая экстрасистолы», и чем больше читал, тем дальше улетала бессонница. Слова вроде «сердечная недостаточность» и «внезапная смерть» отпечатались на подкорке, и до пяти утра он так и гипнотизировал потолок, не сомкнув глаз.

— Чревата? Я буду осторожнее, — сухо бросил Юнь Цзи. Это касалось только его здоровья, и обсуждать подобные вещи с Цун Ле он не намеревался.

Сверившись с рабочим календарём в телефоне, он продолжил будничным тоном:

— Со следующей недели начинается промо-кампания саундтрека к сериалу и съёмки двух рекламных роликов для люксовых брендов. К тому моменту я буду в полной норме.

Цун Ле оставался его главным активом. Раз уж расторгнуть контракт пока не удавалось, выжимать из этой ситуации следовало максимум.

Листая список инвесторов, он добавил:

— Ещё я планирую подписать контракт на рекламу парфюма...

— Знаешь, каких людей я презираю больше всего? — ярость в голосе Цун Ле сменилась ледяным равнодушием.

Юнь Цзи не понял, с чего тот опять взвился, но из вежливости уточнил:

— Каких?

Смерив его безучастную физиономию долгим взглядом, Цун Ле натянул кепку ниже:

— Проехали.

Вот эта реакция была Юнь Цзи прекрасно знакома. Раз человек сказал «проехали», настаивать и лезть в душу было бы глупо.

Вещей после одной ночи в больнице почти не было, так что Цун Ле легко подхватил всё одной рукой.

Юнь Цзи, набросив на плечи его куртку, плёлся следом.

— Дяденька! — откуда ни возьмись, перед ним вырос карапуз лет пяти.

Растопырив ручонки, малец преградил путь Юнь Цзи:

— Дяденька, поможешь мне?

Юнь Цзи нагнулся к нему:

— Чем помочь?

Малыш в больничной пижаме засмущался, замаявшись на месте:

— А можешь попросить у того дяди Цун Ле автограф?

— А сам почему не спросишь? — улыбнулся Юнь Цзи.

— Я его боюсь... — понизив голос до шёпота, признался паренёк, боязливо косясь на фигуру впереди.

— Ты знаешь, кто он? — Юнь Цзи сомневался, понимает ли кроха вообще, что такое автограф.

Мальчуган закивал так энергично, что чуть не отвалилась голова:

— Да! Папа, мама и брат его обожают! У нас дома куча плакатов с ним, я его сразу узнал!

Ладить с детьми Юнь Цзи толком не умел, но и окликать Цун Ле посреди коридора не рисковал. Он заметил, что вокруг и так полно народу, узнавшего артиста, но подойти никто не решался — слишком уж мрачным и неприступным выглядел музыкант.

Окинув взглядом холл, Юнь Цзи наткнулся на старшеклассницу, которая едва ли не с открытым ртом замерла неподалёку. Её прозрачная сумка была сплошь утыкана значками с изображением Цун Ле — от концертных кадров до милых чиби-рисунков.

Юнь Цзи замялся, не зная, как отказать умоляющему ребёнку. Уступи он сейчас — и толпа зевак тут же опомнится и рванёт за автографами. Тогда из больницы им вовек не выбраться.

Пока он раздумывал, вернулся Цун Ле с пакетиком молока, купленным в вендинговом автомате.

— Топай в палату, давай, — Цун Ле трепал пацана по макушке, словно щенка, и ткнул ему в руки коробочку.

Глаза мальчишки вспыхнули восторгом: на картоне красовался ещё не просохший росчерк.

— Папа сказал, когда я поправлюсь, мы всей семьёй пойдём на твой концерт!

— Накапливай силы и выздоравливай побыстрее, — наклонившись, сдержанно произнёс Цун Ле, всё равно возвышаясь над ним, как скала.

— Ага!! Спасибо, дядя Цун Ле!

Не прошло и десяти секунд, как нахлынувшая толпа оттёрла Юнь Цзи от музыканта.

Поправив куртку, он с лёгким сердцем направился к выходу.

Он знал: пока останется хоть один поклонник без автографа, Цун Ле не сдвинется с места.

На первом месте у него музыка, на втором — фанаты.

И лишь когда все фанаты мира получают своё, очередь дойдёт до Юнь Цзи.

Что ж, если и оставалось в Цун Ле нечто, вызывавшее у Юнь Цзи искреннее уважение, так это его фанатичная преданность делу.

В конце концов, именно этой «преданностью» в прошлой жизни Цун Ле так удобно от него отхитривался.

Юнь Цзи вышел на площадку для посадки в такси. Стоило ему потянуть за ручку дверцы, как чья-то хваткая рука мёртвой хваткой вцепилась в его запястье.

Он замер. Ему ещё никогда не доводилось видеть Цун Ле настолько загнанным и запыхавшимся.

— Я разве разрешал тебе уходить одному?!

<http://bllate.org/book/20092/1990902>